

Таков был спор Блока с поэзией уныния и гибели сразу же после выхода последнего сборника «Русских символистов». Таков был его взгляд на жизнь, существенно отличный, в частности, от соловьевского. Вспомним, что в это же время Вл. Соловьев писал об игре человека со «стихиями» так:

Жизнь мировая в стремлении смутном
Так же несется бурливой струей,
В шуме немолчном, хотя лишь минутном,
Тот же царит неизменный покой.
Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви.
(«Иматра», 1895)

Не борение со стихией «всемирного» и коварно-«женственного», как у юного Блока, а экстаз слияния с вечным покоем, ибо борение тщетно, — вот источник «положительного пафоса» у Вл. Соловьева. А Блок в том же самом 1895 г. стоит, как мы видим, на принципиально иных позициях: он смело противопоставляет силы человека и человеческого рода как их отдельным несчастьям, так и вечным силам мирового океана.

Позднее, в начале 1900-х годов, антидекаденство Блока, действительно, стало на время соловьевским по духу. Недаром *первая запись из его первой записной книжки* — до сих пор также неопубликованная — говорит о посылке стихов именно на суд «соловьевского» круга:

Соловьевым
Станных и новых ищущу
В сумерках девушка стройная
Мы отошли и стали у кормила ¹².

И лишь после этих слов в книжке № 1 за 1901 г. идет у Блока запись о попытке найти издателя в лице Брюсова ¹³.

И уж если когда-нибудь Блок действительно пребывает целиком внутри символистской альтернативы, то именно в этот миг: либо «брюсовство», либо «соловьевство» — и выбирает второе. Однако установимо время, когда Блок, отталкиваясь от Брюсова, был *не* «соловьевцем», и это не конец, а середина 90-х годов.

Прочтение и анализ забытых и неизвестных текстов Блока, относящихся к 1895 г., да и к доуниверситетскому времени вообще, позволяет сделать два важных вывода.

Во-первых, незнакомство Блока-гимназиста с «новой поэзией» — очевидный миф, и от сомнений и догадок на этот счет, не раз высказывавшимся и ранее, можно уже перейти к развернутым доказательствам. Во-вторых, можно смело датировать весьма ранним — тоже гимназическим — временем и блоковское «серьезное писание» вообще — причем в духе классической, пушкинской традиции ¹⁴.

Так удастся приблизиться к прояснению того, что же именно было знакомо Блоку 1895 г. из созданного русским декаденством и какой именно характер носило это знакомство. Блок познакомился с декадентской поэзией достаточно рано: именно тогда, когда она только что заявила о себе в России. И знал Блок как раз то, что в 1894—1895 гг. пользовалось

¹² Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, оп. 1, № 321. Возможно, более поздняя запись.

¹³ Блок А. Записные книжки, с. 21.

¹⁴ См. Блок А. Собр. соч. в 6 томах. М., 1971, т. 3, с. 358; Небольсин С. О «равнодушной природе» и сопротивлении «стихиям» (Пушкин и Блок). — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, с. 168—170.